

На правах рукописи

Аржанов Алексей Павлович

СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XVIII ВЕКА

10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

САМАРА – 2008

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Самарский государственный университет»

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Голубков Сергей Алексеевич

Официальные оппоненты доктор филологических наук, профессор
Абрамовских Елена Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
Фролова Наталья Викторовна

Ведущая организация Мордовский государственный университет

Защита состоится «18» декабря 2008 г. в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 212.218.07 при Самарском государственном университете по адресу: 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Самарского государственного университета.

Автореферат разослан

2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Карпенко Г.Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено проблеме становления субъективности в условиях перехода от литературы эпохи традиционализма (по С.Н.Бройтману – «эйдетической поэтики») к литературе эпохи индивидуального творчества, то есть к поэтике «художественной модальности»; это проблема исследования процесса формирования поэтики повествовательных форм, в которых обнаруживаются начатки индивидуально-субъективного типа художественного творчества, связанного с процессами роста личностного самосознания, как оно начинает заявлять о себе, художественно себя объективировать в структуре различных литературных форм русской литературы XVIII в.

В ситуации формирования индивидуально ориентированного искусства в условиях ограничений, накладываемых на субъективность «эйдетической поэтикой» самоопределение субъективного начала начинается на «я»-границах (в том числе «я» субъекта эстетической деятельности), которые оформляются благодаря «другому», в его отношении ко мне, и наоборот, субъективность «другого» может быть сформирована только посредством моего «сочувственного понимания» (М.М.Бахтин), – в завершении «другого», который ценностно соразмерен (и потому отграничен от «меня») моему «я». Такой процесс можно признать *структурным основанием субъективности в формирующейся поэтике художественной модальности*. Но в условиях «абсолютной перспективы» «универсального культурного субъекта» художественного высказывания точка различения индивидуального «я» нам еще неизвестна и без анализа художественных текстов известна быть не может. В этом контексте «сюжет ситуации», как и «сюжет становления», есть симптоматические формы развития эстетических форм, которые, однако, еще не передают индивидуального смысла происходящей в системе эйдетической

поэтики трансформации идеи и образности¹, но могут стать точкой отсчета для выделения и оценки структуры субъективности в эйдетической поэтике. Это приводит к необходимости сформулировать рабочее понятие субъективности, которое учитывало бы и самые ограниченные формы проявления субъективности в художественном слове.

Очевидно, что индивидуальность, как некая «программа культуры» (Б.В.Дубин), в которой «индивидуальность как бы подобна, изоморфна «культуре», в частности, «литературе»², есть код индивидуальности, а реализация этого кода множество индивидуальных смыслов деятельности, указующих на возможность кода.

Опознание индивидуальности в художественном произведении связано с ситуацией «кодирования\декодирования», что предполагает наличие в структуре кода внешней или внутренней формы индивидуальности. И с этой точки зрения, поскольку единственным материалом литературы является художественное слово, индивидуальность и субъект в литературе возможны только как субъект и индивидуальность художественного высказывания, в структуре которого код обретает свою «плоть».

В связи со специфической связью в литературе эстетического события с высказыванием под *субъективностью* будет пониматься *экспликация индивидуального смысла в художественном тексте*. Под индивидуальным смыслом элементарная персональная отнесенность смысла, передающая

¹ Становление поэтики художественной модальности связано с тем, что идея, в ее связности с образом (эйдос – порождающий принцип поэтики предшествующего периода – есть единство образа и идеи), перестает быть безусловным содержанием искусства, проблематизируется в художественном высказывании, что ведет к распаденю единства идеи и образа. Если в эйдетической поэтике идея переживалась в ее конкретной чувственной форме, которая (форма) есть жанр, то в поэтике художественной модальности идея теряет безусловную сопряженность с четким образом мира, ранее предполагавшимся идеей. Становление такой автономии и идеи, и образа сопряжено с возникновением субъективности, в которой некогда «безусловно связанные» компоненты искусства становятся «продолжением» индивидуальности. См. Бройтман, С.Н. Историческая поэтика. Учебное пособие/С.Н. Бройтман М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. - 320 с. - С.244.

² Дубин, Б.В. Интеллектуальные группы и символические формы/Б.В. Дубин - М.: Новое издательство, 2004, - 352 с. - С.14.

актуальность «я-для-себя» явления человека в литературе. Под структурой субъективности - механизм текстовой актуализации индивидуального смысла, в его самостоятельности-данности самому себе. В отношении же к субъективности как феномену поэтики этот механизм может быть рассмотрен как совокупность условий формирования и актуализации персонального/индивидуального смысла эстетического события. Причем при разговоре о субъективности в эйдетической поэтике речь, конечно, идет прежде всего о событиях на уровне сюжета и композиции произведения. Такое ограничение пространства анализа субъективности продиктовано структурой «готового» художественного языка эйдетической поэтики, функционированием этого языка посредством готовых смыслов, заданных топосом или жанром – готовых смыслов «универсального субъекта» художественного высказывания.

Актуальность исследования определяется малой изученностью самого процесса становления форм субъективности в русской прозе. Кроме того, не достаточно исследована данная проблема в непосредственных связях с определяющим «лицо» эпохи, доминирующим типом художественного сознания.

Изучение механизма становления субъективности, выявление переходных форм в поэтике литературного произведения позволит рассмотреть субъективность в момент ее формирования. Таким образом, **научная новизна** определяется тем, что анализируется становление субъективности именно с точки зрения складывающейся структуры индивидуального смысла.

Объектом настоящего исследования является структура субъективности.

Предмет исследования – становление структуры субъективности.

С этой точки зрения становление языка мысли и языка чувства в русской прозе восемнадцатого века этап предельно важный как этап различения в искусстве индивидуального смысла художественного акта (до того поглощенного «готовыми» жанровыми смыслами произведения). С этим связана синхронность развития русской прозы и становления новых эстетических установок в литературе последней четверти восемнадцатого века.

Эта тенденция особенно ярко проявляется в прозе А.Н. Радищева и Н.М.Карамзина, что и определило выбор **материала** исследования.

Основными анализируемыми текстами Н.М.Карамзина являются «Письма русского путешественника», повести, письма «Филалета к Мелодору», «Мелодора к Филалету», «О счастье», «Об уединении», «Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», и др. Основными анализируемыми текстами А.Н.Радищева являются «Путешествие из Петербурга в Москву», «Житие Федора Васильевича Ушакова», «Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске», «О человеке, его смертности и бессмертии», «Дневник одной недели» и др. Помимо этого привлекаются тексты переводных повестей XVIII века, а также рассказы И.А.Бунина, М.М.Пришвина, проза Л.Н.Толстого, Саши Соколова.

Цель исследования прояснить механизм становления и экспликации индивидуального смысла как реализации субъективного начала в поэтике прозы XVIII века. Цель определила задачи исследования:

1. На основе обобщения имеющихся исследований дать описание механизмов экспликации индивидуального смысла в поэтике художественной модальности.
2. Определить отношение субъективности как самостоятельного феномена к смежным ей понятиям: «точка зрения», «психологизм», «субъект», указать на самостоятельное значение субъективности как структурной единицы поэтики.
3. Выявить актуальный философский и эстетический контекст становления субъективности в русской прозе восемнадцатого века.
4. Проанализировать становление структуры субъективности в русской прозе XVIII в. в аспекте жанра, в аспекте трансформации «топосов внутренней жизни».

Методологическая основа диссертации В основе методологии исследования лежит концепция исторической поэтики С.С.Аверинцева, С.Н.Бройтмана, А.В.Михайлова, концепция эстетического объекта и критика экспрессивной эстетики М.М. Бахтина, историко-литературный подход А.Я.Гуревича, теория точки зрения Б.О.Кормана и Б.А.Успенского, теория

художественного высказывания И.В.Саморуковой, теория автора Н.Т.Рымаря и В.П.Скобелева. Повлияли на методологию исследования работы, посвященные частным и общим вопросам поэтики текстов восемнадцатого века Н.Д.Кочетковой, П.А.Орлова, Г.А.Гуковского, Г.П. Макогоненко, Ю.М.Лотмана, и др.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что субъективность осмысливается в диссертации в качестве категории поэтики, рассматривается как структурный элемент поэтики литературного произведения, в том числе и так называемого «нормативного искусства», устанавливается зависимость структуры субъективности от онтологических ценностей в русской прозе XVIII века.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования основных результатов исследования в преподавании вузовского курса по истории русской литературы восемнадцатого века, в разработке курсов, посвященных проблемам исторической поэтики.

Апробация результатов исследования. Положения диссертации изложены в 5 научных публикациях. Материалы исследования обсуждались на заседании кафедры русской и зарубежной литературы СамГУ. Основные положения диссертации в виде докладов были представлены на Международных научных конференциях: «Коды русской классики: проблемы обнаружения, считывания и актуализации»(Самара 2005), «Коды русской классики: Провинциальное как смысл, ценность и код» (Самара 2007); Всероссийской научной конференции «Проблемы изучения русской литературы XVIII века» (Самара 2006, 2007).

На защиту выносятся следующие положения:

1. В основе механизма субъективации в русской прозе восемнадцатого века лежит обращение к секулярной онтологии (онтологизация идей просвещения). Результатом такого обращения является возведение изображенной частной и общественной жизни индивида до этического, природного или любого другого «предельного» смысла деятельности, с

- опорой на который формируются «готовый» субъект (типологически отражающий закономерности эйдетической поэтики) и субъективность высказывания (типологически отражающая закономерности поэтики художественной модальности).
2. Помимо экспликации индивидуального смысла, обращение к онтологии ведет к осознанному построению субъективности т.е. в момент становления субъективность есть не бессознательное содержание творчества, но осознанное, сконструированное эстетическое событие.
 3. В связи с тем, что красота и этика в русской прозе XVIII века также являются онтологическими основаниями, в отношении к которым формируется субъективность, превалирование одного из этих оснований рождает две противоположные тенденции осуществления субъективации: одна форма субъективации стремится явить индивидуальность в слове, полностью охватив время высказывания - осуществить ее как время «говoreния», что ведет к эстетизации, экспликации персонального смысла в восприятии красоты. Другая апеллирует к фигуре умолчания, в которой индивидуальный смысл эксплицируется в настоящем времени умолчания, в постоянно осуществляемом «зазоре» между словом и его смыслом, что порождает аллегоричность художественного текста, проблематизирует композиционные связи.
 4. В связи с тем, что авторы восемнадцатого века опирались на систему онтологических понятий, субъективность русской прозы восемнадцатого века демонстрирует относительную самостоятельность в ее отношении к субъекту речи или сознания. Внутри одного сознания возможно распадение субъективности в формулировке множества различных по своему содержанию состояний эксплицированного «я», и наоборот, возможному слиянию разных сознаний и речевых позиций в рамках единой субъективности.
 5. Субъективность восемнадцатого века демонстрирует двойственное отношение к жанру. С одной стороны, возможно вторжение

субъективности в сфере деятельности универсального жанрового субъекта – происходит субъективация жанра, в которой завершение высказывания больше не принадлежит жанру; с другой же, на уровне оценки жанра, субъективность стремится сохранить субстанциональное значение жанра и его субъекта, включив жанровое завершение высказывания в более широкий контекст.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, насчитывающего 160 наименований. Общий объем диссертации составляет 163 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность и научная новизна исследования, указываются проблема, объект, предмет и материал исследования, формулируется тема диссертации, определяются цели и задачи, указывается методологическая база исследования. Кроме того, во введении дается философское определение субъективности как «я-для-себя» данности индивидуальности. С опорой на исследования М.М. Бахтина формулируется понятие субъективности, релевантное для поэтики художественной модальности. На основе положений исторической поэтики (С.Н. Бройтман), дается краткий обзор литературного процесса и, с учетом особенностей поэтики исследуемого периода, формулируется рабочее понятие субъективности (экспликация индивидуального смысла в художественном тексте). Уточняются необходимые для исследования понятия «индивидуальный смысл» и «структура субъективности».

Первая глава «Субъективность как художественное явление в поэтике художественной модальности» посвящена анализу теоретических исследований, раскрывающих смысл структуры субъективности в поэтике художественной модальности, что необходимо для решения проблемы диссертационного исследования.

Поэтика художественной модальности рассматривается в исследовании на основе концепции исторической поэтики М.М. Бахтина и С.Н. Бройтмана как поэтика, реализующая в себе индивидуальность в качестве необходимого условия осуществления эстетического события. В первом параграфе **«Природа субъективности в эстетической мысли М.М.Бахтина»** рассматривается механизм «диалога» как основание эстетического конструирования субъективности. М.М. Бахтин, опираясь на теорию стиля, на опыт формальной школы литературоведения, вводит в структуру субъективности закономерность «осуществленности» субъективности, данности ее в процессе, в отражении в «другом» и создании целого. В процессе эстетического завершения примат субъективности ведет к необходимости признать субъективное самоопределение завершающей инстанцией художественного мира. Тем не менее, как показано в следующем параграфе (**«Субъективность в структуре целого и типология завершения художественного произведения в модусах художественности В.И.Тюпы»**), эстетический объект, как и формы завершения, может опираться на множество вариантов человеческого самоопределения в отношении к миру и самому себе. Это предполагает вариативность субъективного основания, сопряжение его с типичными, закрепленными в языке формами эстетического конституирования субъективности. Следующий параграф, **«Социальные следствия субъективности. Генерализация субъективности в эпоху художественной модальности и «симптомы» субъективного самоопределения в эпоху рефлексивного традиционализма»**, посвящен рассмотрению субъективности с точки зрения социологии литературы (Б.В. Дубин).

Литература и литературность существуют как институции, транслирующие актуальные культурные ценности, что позволяет социуму отражать эти ценности в социальном измерении, реконструировать литературные формы в программе действий, в культурных ориентациях. В эпоху художественной модальности происходит последовательная генерализация субъективности как принципа, организующего воспроизводство

культурных моделей в литературе. В основе воспроизводства принципа субъективности лежит обобщенный образ индивидуальности, ориентированной на ряд стереотипных по своей структуре действий, на набор ценностей субъективного самоопределения. Дается набор устойчивых структурных признаков индивидуальности, социальный код субъективности. С опорой на этот код формулируется возможность симптоматического проявления субъективности и в другие эпохи. Следующий параграф посвящен **«проблеме соотношения понятия субъективности и понятий «точка зрения», «субъект», «психологизм»**. Точкой зрения субъективность быть не может, однако как возможное свойство «точки зрения», демонстрирует свою собственную структурность. Субъективность в качестве внутреннего принципа художественного события стремится к преодолению дистанции к своей форме, стремится осуществиться, стать самым событием, а не взглядом на него. Это стремление к «осуществлению» субъективности в явлении индивидуального смысла особенно заметно при рассмотрении субъективности в структуре субъекта, где демонстрируется семантическая и композиционная самостоятельность субъективности. Субъекту, в его взаимодействии с субъективностью, свойственно семантическое пересечение, и, прежде всего, на уровне персональной отнесенности – субъект и субъективность адресованы к инстанции. Если субъект опирается на инстанцию, то субъективность усиливает персональную отнесенность, берет персональность художественного высказывания саму по себе, проблематизирует персональный смысл в высказывании. Если редуцировать это общее до «рабочего понятия», то субъект и субъективность формируют в себе **инстанциональность** элементарную персональную отнесенность высказывания, образа чувства, события и т.п. Структурная формулировка этой инстанциональности различна. Если субъект прочитывается в механизме точки зрения, является метафорическим центром какой-либо перспективы, то субъективность инстанциональное свое значение сопрягает с осуществленностью этой инстанции в слове, специализирует субъекта в момент высказывания, сосредотачивая инстанциональный смысл

говoreния на самом осуществлении этого смысла. Это обеспечивает семантическую самостоятельность субъективности в поэтике. В конце главы делаются промежуточные выводы о структуре субъективности в поэтике художественной модальности. Дается перспектива дальнейшего анализа субъективности.

Вторая глава, «Актуальный контекст становления субъективности в русской прозе XVIII в.», посвящена анализу конкретной культурной ситуации, анализу эстетики, в том виде как она сложилась в восемнадцатом веке, что вносит свои коррективы в рассмотрение структуры субъективности.

Наиболее существенным фактором, влияющим на способы конституирования субъективности в рассматриваемой эпохе, признается влияние нормативного принципа эстетики. Вместе с тем, нормативность рассматривается как исторически сложившийся взгляд на литературу и литературность. Особенность русского восемнадцатого века в том, что в пределах одного столетия был пройден путь от становления литературного языка (в его «высоком» варианте) до разрушения жанрового мышления, утверждения индивидуальности в искусстве (так, например, формирование русского классицизма было синхронно развитию в Европе новых стилей (Г.А.Гуковский). Таким образом, можно констатировать, что в процессе формирования искусства совмещались две противостоявшие друг другу тенденции: 1)стремление к кодификации, нормированию эстетической деятельности; 2)стремление включить в эстетический дискурс уже очевидные прогрессивные просветительские идеи.

Другим актуальным контекстом становления субъективности является комплекс идей, в рамках которого внутренняя жизнь человека получает свою определенность. В следующих трех параграфах («Философия античности как источник «топосов внутренней жизни», «Место субъективности в христианской философии души», «Субъективность как предельная величина сознания в философии Нового времени») как источники «топосов» внутренней жизни рассматриваются идеи античных, христианских

мыслителей и философия Нового времени. Основное внимание уделяется философии души, идее субъективного времени, памяти, идее созерцания.

Третья глава, **«Варианты становления субъективности в русской прозе XVIII века»**, посвящена собственно анализу субъективности, тому, как она являет себя в художественном произведении. В первом параграфе, **«Два варианта субъективности. Сотворение красоты в прозе Н.М. Карамзина и примат этического в творчестве А.Н. Радищева»**, анализируются два варианта субъективности, которые формируются при усилении одной из двух тенденций субъективной «осуществленности» и «трансцендирования». Высказывание в его эстетическом и этическом аспекте становится «возвратным» механизмом субъективности, заставляющим «я» смотреть на «себя». В этом обращении к слову примат этической позиции рождает доминанту высказывания субъективности в аллегорическом ключе как указание на зазор между *осуществленным* словом и его *трансцендентальным* вечностным смыслом. Такая субъективность есть в большей степени фигура умолчания, в которой слово свидетельствует о личностном этическом переживании. Другая субъективность «выплескивается» в речь как переживание этой речи в ее самостоятельной красоте - гармонии, которую она означает в «моем» взгляде. Обе тенденции характерны для Н.М.Карамзина и А.Н. Радищева и варианты субъективности могут сменять друг друга. Значение пережитой красоты как и ее источники в нормативном искусстве анализируются в пункте **«Память жанра идиллии и красота в русской прозе XVIII века»**. Из необходимости объяснения природы рождающейся красоты возникает потребность выявления механизма взаимодействия христианского трансцендирования и античной гармонии в русской прозе XVIII века. Эта проблема рассматривается в пункте **«Единство христианского трансцендирования и античной гармонии как потенция субъективности»**. Анализ повестей из сборника 1787г. показывает, что художественное сознание XVIII века уже способно оперировать дискурсами, на стыке дискурсов, образуя смысловое поле, способное указывать на индивидуальность. Наиболее

важными дискурсами оказываются жанр, несущий в себе следы античного переживания гармонии и христианское вероучение как источник глубокого трансцендирующего взгляда. Вместе с тем поле проблематизации дискурсов есть лишь потенция субъективности, функционально равносильная «топосам внутренней жизни». Поле проблематизации дискурсов указывает на наличие инстанции, однако, вне осуществленности и формальной проблематизации этой инстанции можно говорить только о возможной субъективности, но не субъективности художественном событии. В следующем пункте прослеживается субъективное значение красоты в прозе Н.М. Карамзина **«Субъективность и память жанра идиллии в прозе Н.М. Карамзина»**. Делается вывод о превалировании субъективности как переживания красоты в его творчестве. Противоположная тенденция констатируется при анализе творчества А.Н. Радищева, в прозе которого выявлен примат этической позиции (пункт **«Примат этического в прозе А.Н. Радищева»**).

В следующем параграфе (**«Субъективность и «топосы» внутренней жизни в их систематике»**) анализируются «топосы» внутренней жизни, с опорой на которые формулируется трансцендирование в структуре субъективности. Выделяется в отношении Н.М. Карамзина и А.Н. Радищева общий топос чувствительности (как категория выражающая единство созерцания и природы субъекта инстанции) в пункте **«Чувствительность как «топос» внутренней жизни и структурный источник субъективности»**. Демонстрируется связь «чувствительности» с осуществленностью субъективности, переживанием художественного слова и с трансцендентальным значением индивидуальности, указующей на свою причастность абсолютной точке зрения в произведении. В дальнейшем как специальные «топосы внутренней жизни», рассматриваются **«меланхолия»** (**«Меланхолия как топос внутренней жизни и структурный источник субъективности в прозе Н.М. Карамзина»**.) и **«совесть»** (**«Смушение» и «возрадование» духа: интеллектуальная сторона субъективности в прозе А.Н. Радищева»**). Далее делается заключение о соотношении внутри структуры субъективности топосов и механизма

трансцендирования (**«Агенты субъективности и механизм трансцендирования»**.) Смысл этого взаимодействия в том, что искусство восемнадцатого века в России во многом старается сохранить абсолютную перспективу универсального культурного субъекта, сохранить адресацию к организующему мир смыслу. В этом стремлении топосы занимают промежуточное положение между «жизнью» субъекта в произведении и надличностным смыслом, обеспечивая в систематике топосов внутренней жизни трансцендирование и осуществленность субъективности. Другим транслятором «готового» смысла в искусстве являются жанры, с которыми проза уже начинает активно работать на уровне метажанровой рефлексии, но в субъективности непосредственно опирается на традиционное для своей эпохи значение жанров. Проблеме взаимодействия в эйдетической поэтике субъективности и жанров посвящен следующий параграф и его подпункты: **«Структура субъективности и кризис жанрового мышления в русской прозе XVIII века»: «Жанр письма и динамика субъективности в прозе Н.М. Карамзина»; «Трансформация жанра письма в творчестве А.Н. Радищева и субъективность»; «Субъективность в «Дневнике одной недели» А.Н. Радищева и «Моей исповеди» Н.М. Карамзина как условный смысл. Субъективность в поэтике рассказов И.А.Бунина**». Делается вывод, согласно которому жанры непосредственно включены во взаимодействие с субъективностью. Причем субъективность осваивает «пространство» универсального культурного субъекта, универсализируя топосы внутренней жизни. В результате вторжения структуры субъективности в жанр, последний начинает означать собой осуществленность субъективности, которую возможно проследить только в метаповествовательных структурах, охватывающих этот жанр. Это означает, что в кризисе жанрового мышления скорее происходит субъективное освоение жанра, чем преодоление и отрицание жанровых форм.

В **заключении** обобщаются результаты исследования. Доказывается, что субъективность в русской прозе XVIII в. становится осознанным явлением индивидуальности в художественном тексте. Делается заключение о характере

становления структуры субъективности в эйдетической поэтике. Указывается особое значение, которое приобретает в конструировании субъективности обращение к онтологическим ценностям.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, утвержденных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Аржанов, А.П. Созерцание и меланхолия как основание субъектной организации «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина / А.П.Аржанов // Вестник Самарского государственного университета: гуманитарная серия. –2007. №5/2 (55) – с. 45-56.

Публикации в других изданиях:

2. Аржанов, А.П. Локусы «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева: динамика авторской субъективности. / А.П. Аржанов // Коды русской классики: «Провинциальное как смысл, ценность и код. Материалы II Международной научно-практической конференции Самара: Самарский университет. 2008. - с.80-85.

3. Аржанов, А.П. История и культура в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина / А.П. Аржанов // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 12 - С-Пб - Самара: Издательство НТЦ. 2006. - с. 130-139.

4. Аржанов, А.П. Природа-субъект в «Меланхолических вечерах», переведенных Василием Псиолом, и в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина/А.П. Аржанов // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 13 - С-Пб. - Самара: Издательство НТЦ. 2007. - с. 267-276.

5. Аржанов, А.П. Повесть Н.М. Карамзина «Остров Борнгольм». Опыт прочтения. /А.П. Аржанов // Движение художественных форм и художественного сознания XX и XXI веков. Материалы Всероссийской научно-методической конференции Самара: Издательство Самарского государственного педагогического университета. 2005. - с. 38-42.

Подписано в печать 10 ноября 2008 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Объем 1 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 1582

443011 г. Самара, ул. Академика Павлова, 1

Отпечатано УОП СамГУ